

Дорота Михулка

NADWIŚLAŃSKI SOCREALIZM¹. ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ В УЧЕБНИКАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

В статье представлены образы Ленина и революции во включенных в школьные учебники рассказах для детей в контексте польского социалистического реализма. Литературные тексты в школьных учебниках, особенно те, что создают образцы для подражания, помогли властям в борьбе за умы и души молодого поколения, став наиболее эффективным инструментом идеологического убеждения и формирования «нового человека» в духе новой системы. В тенденциозных текстах о Ленине, чтобы очертить идеал совершенного человека, выбрали стратегию стереотипизации. Авторы рассказов ориентировались на конвенции черно-белых противопоставлений, «художественную социологию», понятную тематику, мимезис, банальные мотивы и приемы, но наиболее эффективным средством манипуляции являлся помпезный, успокоительный и убеждающий язык, воздействующий на эмоции юного читателя, формирующий, таким образом, позитивное отношение ребенка к социалистической идеологии.

Ключевые слова: польский социалистический реализм, революция, история, Ленин, социология искусства, мимезис, цензура, стереотип, идеология.

На протяжении всего периода существования социалистического реализма Ленин присутствовал в искусстве не только как поклонник литературы и ее теоретик (например, социалистического реализма), но и как персонаж в произведениях, посвященных «гению революции» и созданных в ознаменование его последовательно отмечаемых юбилеев: 25-летия со дня смерти (1949), 30-летия со дня смерти (1954) и 85-летия со дня рождения (1955). Собрание цитат из произведений Ленина играло важную роль в обсуждении социалистического реализма; в качестве литературного персонажа он стал одним из элементов художественного мира, созданного в рамках этого «метода» [Łapiński, Tomasik, 2004, p. 118]. Ленин-персонаж был особенно важен в школьном образовании, в частности, в педагогике начальной школы².

«Отличительной чертой сталинской педагогики, как и других аспектов жизни, была ее политизация. “Никто ни при каких обстоя-

тельстввах не должен отделять педагогику от политики”, необходимо было подключать социалистическую мораль, которая становилась классовой моралью», — писал Александр Левин, польский исследователь теории советского педагога Антона Макаренко [Lewin 1955, p. 10; Brodala, Lisiecka, Rudzikowski 2001, p. 25–29]³. Кроме того, одной из «особенностей сталинской системы образования было единство мира детей и мира взрослых»⁴, их исправление таким же образом, как взрослых, в соответствии с моральными представлениями, которые дети усваивали в школе и дома. В образовании детей школа играла важнейшую роль, не в последнюю очередь, потому, что, являлась государственным учреждением, восприимчивым к государственному контролю. В 1950-х гг. пропаганда, идеологическая литература, вошедшая в школьные учебники, чаще всего использовала рассказы для детей⁵. Также в эпоху соцреализма одной из самых популярных педагогических и образовательных стратегий на уроках в польской начальной школе было формирование позитивных моделей для подражания. Общеобразовательный идеал, разработанный в то время, включал в себя изображение безупречного героя, биография которого показана с ранних лет, чтобы можно было увидеть, как закладывались основы его будущего величия⁶.

Самыми желанными были персонажи из внелитературной реальности: их подлинность имела преимущество правдивости (в популярном понимании) более жизнеподобной, чем художественная литература. Одним из формальных признаков этой правдивости стало слово «рассказ» в названии или подзаголовке литературного произведения [Skotnicka 2008, p. 72].

Феномен литературной биографии и генеалогии в контексте термина «рассказ» убедительно рассматривается Марией Ясиньской: «В отличие от существительного “роман” слово “рассказ” используется в повседневной речи, когда говорят о реальной жизни, так что он включает в себя связь с действием повествования и его субъектом» [Jasińska 1970, p. 35].

Как отмечает Гертуда Скотница, именно этот факт имеет большое значение в случае детской литературы. «Рассказ» соотносится с повседневным нарративом — повествованием о различных событиях, знакомых нам с раннего детства; мы предполагаем, что тема рассказа не будет сложной, а повествование не будет таким длинным, как в случае романа, что важно в случае выбора текста для детского чтения. Скотница отмечает, что «подобным образом была создана “новая агиография” из мифологизированных образов

революционеров» (курсив автора), организаторов социальных восстаний и политических активистов. Помимо Ленина, в ее состав вошли Сталин, Берут⁷ и Дзержинский [Skotnicka 2008, p. 72–73]. Агиографические элементы в литературных и учебных биографиях вождя представляют собой назидательные примеры (в частности, напоминают поэтику средневековых проповедей), а также фрагменты панегирических, апологетических повествований и исторических анекдотов служат для ознакомления с деятельностью и посмертным культом того или иного человека (*vita poshuma*).

Многие отрывки из литературных произведений, опубликованных в школьных учебниках того периода, посвященных жизни Ленина, служили нравоучительным, образовательным и пропагандистским целям [Dobek-Ostrowska, Frasz, Osiecka 1997, p. 18]. Согласно теории и практике пропаганды, важную роль в стратегии создания образцовой модели (в том числе образа Ленина) играет формирование специфического отношения к ней и ее значимость в социальной (здесь, социалистической) системе. В детской литературе ключевую роль в пропаганде формирования образовательного идеала сыграл образ революции как эпохального события в истории советского народа, переступившего порог в прекрасный мир и «светлое настоящее», и, конечно же, память об этом событии.

Тем самым, наша статья посвящена обсуждению «основных типов трансформации памяти, таких, как ложь, сокрытие фактов, различные варианты реинтерпретации событий или исторических достижений отдельных лиц» [Malczewska-Pawelec, Pawelec 2011, p. 31], и способов искажения коллективной памяти, используемых в школьном образовании, как то: 1) значимые пропуски; 2) фальсификация; 3) преувеличение и приукрашивание; 4) связывание/разделение, то есть манипуляции отношениями; 5) обвинение врагов; 6) определяющая роль обстоятельств; 7) конструирование контекста [Malczewska-Pawelec, Pawelec 2011, p. 31; Szacka 2003, p. 12]⁸. Также здесь стоит упомянуть, что «в это время дети составляли сегмент общества, чьими представлениями о прошлом манипулировать легче всего, поскольку дети менее всего ограничены уже существующими “социальными рамками памяти”. Сфера социального опыта ребенка ограничена масштабом размышлений о событиях прошлого» [Malczewska-Pawelec, Pawelec 2011, p. 31], но также текущей историей и ее героями.

Отличительной особенностью рассказов в школьных учебниках периода социалистического реализма (в основном в 1950-х гг.)

был выбор образцов для подражания. В этой области преобладали стереотипы, идеализация и идеологизация образа героя, использовалось схематическое изображение его поступков, всегда этически безупречных с точки зрения принципов идеологии социалистического реализма, демонстрирующих трудолюбие, упорство, усердие, сознательность, надежность, товарищество и сотрудничество в интересах правого дела, борьбу за свободу, равенство, братство и справедливость [Lippmann 1960]⁹. Выдержки из литературных и квазилитературных произведений Анны Ульяновой-Елизаровой, Александра Кононова, Алексея Толстого, Владимира Маяковского и т. д. были выбраны для изучения в польской школе в соответствии с предпочтениями авторов школьного учебника, а также педагогическими и идеологическими тенденциями того времени. Отбор текстов также определялся наличием польских переводов русских произведений и, конечно же, размером их тиража в Польше. Более того, назидательная функция этих текстов, то есть наставление и призыв читателей следовать определенной ролевой модели (в нашем случае, образцовому характеру Ленина), нормам социального поведения и ценностным ориентациям связана с принципом школьной педагогики того периода — способствовать распространению социально-образовательного идеала, связанного с государственной идеологией.

Здесь следует также подчеркнуть, что изображение жизни великого вождя — Ленина — носило эпизодический или фрагментарный характер, освещались только те эпизоды из его жизни, которые могли быть особенно значимы для патриотического и гражданского воспитания молодого поколения.

Важным этапом в жизни героя было детство, которое подготовило его к взрослой деятельности, посвященной Родине, борьбе за свободу, равенство, справедливость и т. п. [Pauszer-Klonowska, Lausz 1952, p. 213, 237, 241]¹⁰. Образцовое и безупречное детство Володи Ульянова описано, в частности, во фрагменте текста «Детство и школьные годы Ильича» его сестры — Анны Ульяновой-Елизаровой. Автор изображает молодого Владимира как идеального школьника, а также человека чуткого и самостоятельного в общении со старшим братом Сашей, серьезным и усердным учеником, и младшей сестрой Ольгой, трудолюбивой пианисткой. Спокойный и собранный Саша становится образцом для подражания у быстро вспыхивающего импульсивного Володи, который «борется с собой». Живой, подвижный и, казалось бы, опрометчивый Володя подражает своему брату во всем и, упорно работая над собой, постепенно

развивает положительные черты характера. Володя также формирует в себе трудолюбие, наблюдая за тем, как его сестра учится играть на фортепиано. Процесс личностного роста человека, который в будущем станет великим, наблюдают гордые родители [Pauszer-Klonowska, Lausz 1952, p. 237–241].

Таким образом, автор биографии Ленина, создавая для юных читателей рассказ о великом вожде революции, рисует идеальный образ подростка, показывая его преимущественно в повседневном мире семьи и школы:

Вернувшись домой из школы, Володя, как правило, шел к отцу и рассказывал, что было на уроках и как он отвечал <...>; отец работал <...>, а он, идя по проходной комнате мимо кабинета отца, докладывал скороговоркой «из греческого пять, из немецкого пять» <...>, предметы, конечно, менялись, иногда звучало «из латыни и из алгебры». Но обычно повторялось одно и то же, в классе он неизменно был лучшим учеником. Иногда отец говорил матери, что обеспокоен тем, что Володе все слишком легко дается, поэтому у него может не выработаться работоспособность. Как известно, эти опасения оказались необоснованными — Володе удалось ее развить. В то же время он любил смеяться и шутить. Была ли то игра с друзьями или с младшими сестрой и братом — Олей и Митей — он везде был лидером. Каждый день можно было слышать Володино пение, и у него был бесконечный запас шуток. Поскольку комната Володи была рядом с комнатой Саши, Володя всегда был рядом со старшим братом. Он перенял от него серьезное отношение к учебе, помогал с естественно-научными опытами, интересовался книгами, прочитанными Сашей, и обращался к брату за советом. <... > Поскольку Саша отличался исключительной серьезностью, вдумчивостью и добросовестностью, это подражание было очень полезно Володе. Брат служил для него постоянным образцом концентрации на своем деле, аккуратности, внимательного отношения к своим обязанностям и большого трудолюбия. <...> Даже когда Володя еще был ребенком, в нем было заметно критическое отношение к окружающим. Этот живой шаловливый мальчик, который часто замечал забавные особенности и поступки других и любил смеяться и шутить, на самом деле глубоко воспринимал многие важные вещи [Pauszer-Klonowska, Lausz 1952, p. 237–238].

Биография В. И. Ленина и ее чтение вслух были главным событием празднования годовщин Октябрьской революции в советских школах (текст под названием «Подготовка к празднику в советской школе»). Торжества предполагали тенденциозную реконструкцию событий 1917 г.: огромный зал, наполненный людьми, украшают красные флаги и лозунг «Да здравствует годовщина Октябрьской

революции!»; фрагменты биографии вождя зачитывает пионерка Валя: «Как он прятался в шалаше, как он работал. Обо всем» [Derwiszówna, Parnowski 1952, p. 50].

В школе читали также отрывок из еще одного назидательного произведения о Ленине — рассказа А. Кононова «Субботник» [Dembowska, Рудницка, Wojeński 1950, p. 227–229]. В этом рассказе Ленин — участник «субботника», на который он пришел по собственной инициативе. Он работает быстро и продуктивно, беседует с рабочими во время короткого отдыха — подает хороший пример для тех «новых миллионов советских граждан», которые выйдут на работу на следующий «субботник» [Dembowska, Рудницка, Wojeński 1950, p. 212]. Этот агитпроповский рассказ служил важной цели: создать образ идеального героя социалистического труда:

Теперь с Владимиром Ильичем работали три курсанта и двое рабочих. Один рабочий глядел, глядел на Ленина и, наконец, сказал:

— Владимир Ильич! Мы без вас тут управимся, у вас есть дела поважней.

Владимир Ильич ответил:

— Сейчас это дело самое важное.

И от яркого солнца, от того, что рядом работает товарищ Ленин, все чувствовали: сегодняшняя трудная работа — это радостный праздник.

Каждый хотел отличиться в работе перед Владимиром Ильичем; слышны были шутки, смех, песни. Все старались не отстать от Ленина.

У Ленина была очень быстрая походка. Даже когда он обдумывал дома книгу, которую писал, или речь, которую ему надо было сказать, он очень быстро при этом ходил по комнате из угла в угол, — не ходил, а почти бегал.

Так же быстро он носил и бревна на субботнике [Dembowska, Рудницка, Wojeński 1950, p. 227–229]¹¹.

Педагогические попытки представить юной аудитории «обыкновенного героя» особенно очевидны в сценах, где великий вождь общается с детьми. Такие сцены — наиболее убедительный способ дидактически уверить ребенка в «подлинности» ситуаций, описанных в учебниках, то есть отослать читателя к опыту собственной жизни, узнаваемым ролевым моделям. Литературные отрывки, используемые в учебниках, изображают сцены встреч и разговоры Ленина с ребенком или группой детей. Попытка общения и установления контактов между этими персонажами может рассматриваться в более широком смысле как конкретный случай

дидактического диалога между, с одной стороны, взрослым авторитетным человеком, наставником и, с другой стороны, ребенком.

Большинство произведений на эту тему — перепечатка и адаптация советских изданий. Польские авторы выбирают события в советской школе, семье, на работе или на фронте, поэтому главными героями этих историй являются дети, живущие на Волге: Иванка, Гриша, Валя, Саша и Вероника (например, «Письмо Ильичу» П. ЗамоЙского или «Мальчик и Ленин» А. Кононова) [Aleksandrzak, Koszutska 1952].

В рассказе А. Кононова разговор маленького Миши с Лениным — «обычным человеком» — представлен следующим образом:

Шел мальчик из села Ям. Он нес пустую корзину. Дорога была ему знакома: поле, речка, мост через речку. А за мостом тропинка вела в гору. На горе за большими деревьями стоял белый дом с колоннами.

Недалеко от этого дома мальчик догнал человека в синей рубашке и тапочках.

Мальчик сказал ему:

— Тут Ленин живет.

Человек сдвинул с большого лба кепку на затылок и, сощурившись от солнца, поглядел на мальчика.

«Городской», — подумал мальчик и добавил:

— Место наше знаменитое. Сюда из города часто приезжают.

— Место хорошее, — согласился человек в синей рубашке.

Они пошли рядом.

Мальчик сказал:

— Охота мне поглядеть на Ленина.

— Зачем?

— Ну, как это такое «зачем»? Чтобы знать, какой он из себя.

— Обыкновенный. На меня, говорят, похож. Ну прямо не отличишь.

— Ну да, как же, «не отличишь»!

Человек весело захохотал, закинув голову:

— Так, значит, не похож?

Мальчик поглядел на его рубашку, на тапочки:

— Разве Ленин ходит в синей рубашке? Он — в черном пиджаке.

Или во френче. <...>

— А тебя как зовут, мальчик? — спросил он. — Ты куда идешь-то?

— Мишей зовут. А иду я в совхоз за капустой [Aleksandrzak, Koszutska 1952, p. 60]¹².

По контрасту, рассказ А. Кононова «Встреча», где описывается подготовка к ожидаемому визиту Ленина в Петроград, полон пафоса, напряжения и эмоций. Выразительный образ социалистического лидера подчеркивает всеобщее обожание

толпы, которая молча ожидает его приезда. Ленин показан в луче света, будто герой-святой:

И вдруг негромкий гул прошел по площади.

Потом сразу наступила такая тишина, что стало слышно, как потрескивают, дымя, факелы.

На броневике, видный всем, стоял Ленин. Несколько секунд он молчал, слегка наклонившись вперед. Казалось, он вглядывается в надписи знамен и плакатов; их неровно освещали факелы, и прочесть надписи было нелегко. Лиц прожектора упал на дальнюю сторону ситца и стали отовсюду видны написанные на ней крупные буквы:

«К нам едет Ленин. Идем встречать!»

Надпись держали на шестах две швеи в красных платочках.

И Ленин увидел их.

Он видел матросов, рабочих, солдат, студентов.

Он видел море голов — народ, пришедший встречать его.

И, волнуясь, он высоко поднял над головой фуражку. Потом быстро сунул фуражку в карман, протянул вперед руку и начал свою речь, никем в тот вечер не записанную... И никем не забытую [Dembowska, Rudnicka 1950, p. 104–108]¹³.

Образ Ленина должен был быть тесно связан с темами революции и борьбы. Они появляются, в частности, в рассказе “Wielkie dni” (Великие дни) З. Квечинской и включены в учебник “*Na szerokiej drodze. Czytanki dla kl. IV*” [Aleksandrzak, Kwiecińska, Przyrowski 1951, p. 245–250].

Главные герои, отец и его маленький сын Гриша, находятся на улице во время уличных протестов. Представлена яркая динамичная сцена уличной демонстрации:

Впереди рабочих-демонстрантов стоит молодой человек и держит в руках знамя, вдалеке слышно, как протестующие поют «Интернационал» и скандируют: «Хлеба! Долой войну! Долой царя!» Люди терпеливо, но с энтузиазмом и большой надеждой ждут приезд Ленина.

Толпа людей, ожидающих на станции, высыпала на улицу. Рабочие, солдаты, матросы стояли вместе. Все молча ждали, глядя в ту сторону, откуда прибудет поезд. Вдруг вдалеке раздался свисток паровоза. Отец схватил Гришу, поднял его высоко в воздух и сказал: «Смотри!»

Поезд медленно подъехал к платформе. Тогда тысяча голосов громко закричала «Ура!» Мужчина в круглой меховой шляпе сошел с поезда. Они подняли его и отнесли на станцию. Отец с Гришей на плечах шел вместе с ними. Он только повторял время от времени: «Смотри, сынок. Хорошо смотри. Он борется за твоё счастье, за твоё будущее. Он научит вас бороться».

Ленин говорил, стоя на броневике, и Гриша старался не пропустить ни одного слова этой речи. Ленин призвал бороться за победу социализма. «Да здравствует Социалистическая революция!» — закончил он. И Гриша повеселел и захлопал в ладоши.

Вдруг отец его очень крепко обнял, поцеловал и сказал: «Это для тебя, сын мой, для твоего будущего. Чтобы вы могли жить достойно и не работать так изнурительно, как мы» [Alexandrzak, Kwiecińska, Przyrowski 1951, p. 250].

Воспроизведение достоверной социалистической реальности для школьников связано с проблемами, обусловленными несовершенством пропагандируемой социальной системы, с которым приходится сталкиваться вождю и строителю нового государства — Ленину. В учебник для восьмого класса был включен отрывок «Ленин» из повести Алексея Толстого «Хлеб», выдержанный в пропагандистски-агитационном стиле [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Żmigrodzka 1951, p. 128–132]. Речь в нем идет о голоде и встрече Ленина с делегатами Петроградских заводов. С тоской и отчаянием говорят рабочие о ситуации в стране, упоминая, среди прочего, и случаи воровства хлеба.

— Плохо, Владимир Ильич. Голодуем. Держимся, крепимся, пролетарскую свободу не продадим. Но тревожимся: до урожая ждать три месяца, а есть нечего, детишки по весне начали помирать. Жалко, Владимир Ильич. У женщины шатается воображение. Еду только во сне видим. [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Żmigrodzka 1951, p. 128].

Ленин умело выстраивает убедительно страстную речь, манипулирует сознанием слушателей, повторяя лозунг «Кто не работает, тот не ест»; он перечисляет длинный список классовых врагов, используя знакомые его слушателям выражения и разговорные идиомы, говорит, что надо делать. В его речи преобладают метафоры коллективной борьбы за правду, в нее также включены слова, семантически относящиеся к социально-экономической области:

Надо организовать великий «крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников. <...> Нужны закаленные пролетарии... Настолько твердые и преданные революции, чтобы вынести все тяжести «крестового похода». <...> Революция идет вперед, развивается и растет... Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим со стороны *рабочих* и в общегосударственном масштабе — это настоящее и главное преддверие социализма <...> одно из величай-

ших, неискоренимых дел октябрьского — советского — переворота в том, что *передовой рабочий* пошел в «народ», — пошел как руководитель бедноты, как *вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства...* (Курсив наш. — Д. М.) [Lenin 1972, p. 391–398].

Помимо тягот повседневной жизни рабочих (таких, как тяжелый труд), юный читатель также знакомится с примерами тяжелой борьбы коммунистов с буржуазией. Так, образ Ленина возникает в несколько ином контексте в отрывке из поэмы Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Из-за скопления глаголов доминирующей особенностью отрывка оказывается изображение постоянства и символики войны, к которой призывают вожди партии: «Штыками/тычется/чирканье молний,/матросы/в бомбы/играют, как в мячики» [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Źmigrodzka 1951, p. 213]. Фигурируют во фрагменте также символический залп крейсера «Аврора», который задает направление, зовет и объединяет митингующих, и мощь ленинского ума, объединяющая человечество, так как Ленин «в черепе/согней губерний/ворочал,/людей/носил/до миллиардов/полутора,/Он/Взвешивал/Мир/в течение ночи,/а утром...» [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Źmigrodzka 1951, p. 216].

Другой пример из учебного материала можно найти в отрывке из «Доклада о революции 1905 года» В. И. Ленина, адресованного рабочей молодежи в Цюрихе в 1917 г. [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Źmigrodzka 1951, p. 68–71]. В докладе говорится о революции, двенадцатой годовщине Кровавого воскресенья, о петиции рабочих, призывающей государя к согласию с народом, просьбе о помощи, которую православный священник Георгий Гапон должен представить царю. В примечания учебника включены следующие сведения о Гапоне — пресловутом враге рабочего класса, предателе-священнике:

Гапон Г. А. (1870–1906). С 1902 организовывал рабочие кружки вместе с полковником жандармов Зубатовым якобы для удовлетворения религиозных и нравственных, а также культурных и образовательных потребностей трудящихся. Реальная цель его деятельности — отговорить рабочих от участия в революционном движении. В конце 1904 он агитировал рабочих подавать царю петицию. Петицию обсуждали на массовых собраниях рабочих, и 9 января Гапон возглавил демонстрацию к Зимнему дворцу. В 1906 году он был разоблачен как агент охраны и убит [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Źmigrodzka 1951, p. 68].

В учебнике в качестве источника приведен и эмоциональный фрагмент прошения царю, в котором нищие, униженные и отчаявшиеся рабочие объясняют, почему они не вышли на работу; их слова — это последняя драматическая попытка наладить сотрудничество с царем:

Мы, рабочие, жители Петербурга, пришли к Тебе. Мы — несчастные, поруганные рабы, мы задавлены деспотизмом и произволом. Когда переполнилась чаша терпения, мы прекратили работу и просили наших хозяев дать нам лишь только то, без чего жизнь является мучением. «Государь! Не откажи в помощи Твоему народу! Разрушь стену между Тобой и Твоим народом! Повели и поклянись, чтобы исполнились наши просьбы, и Ты сделаешь Россию счастливой [Lenin 1964, p. 236–253].

Ленин — выдающийся оратор, стратег, педагог подробно рассматривает в своем докладе последовательность этапов революции, объясняет ее глубокое значение, подчеркивает важность просвещения пролетариата и ярко описывает растущее влияние революции. Он утверждает, что революция распространяется с невероятной скоростью: «Сотни революционных социал-демократов “внезапно” выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев». Он также характеризует происхождение и характер массовых забастовок: «Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию *буржуазно-демократической*, но по средствам борьбы была *пролетарской*». В своем подборе положительных примеров он подчеркивает роль сознательного рабочего класса в городах Санкт-Петербурге, Риге и Варшаве, говорит о том, каким «своеобразным было сплетение экономических и политических забастовок во время революций».

В заключении своего доклада российский вождь вновь использует оптимистические метафоры полета, коллективизма и победы:

Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковыливает его волю. И потому даже реакционеры должны были признать, что 1905 год, год борьбы, «сумасшедший год», окончательно похоронил патриархальную Россию [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Żmigrodzka 1951, p. 71].

Таким образом, как отмечалось выше, отношение героя к его слушателям — это, скорее, отношение боевого вождя, но оно отличается порядочностью, простотой, искренностью, настойчивостью и готовностью трудиться самому.

Наша интерпретация рассказов из учебников основана, среди прочего, на материале исследования «*Inżynieria dusz. Literatura realizmu socjalistycznego w planie „propagandy monumentalnej”*» Войцеха Томасика, который дает ряд портретов образцовых коммунистических руководителей, начиная с Железного Феликса (Дзержинского), которые объединяли в себе лучшие качества человека. Томасик выделяет следующие особенности подобных литературных героев: любовь к детям (!), подчинение строгой дисциплине, аскетизм (отказ от материальных благ), внутреннее согласие между противоположными качествами зрелости и юности («старость в детстве» и «детство в старости»), мужественность и женскую чувствительность, человеческие и сверхчеловеческие черты (нищешанство) [Tomasik 1999, p. 124, 126].

Подобными личностными качествами наделен и школьный вариант образа Ленина для малышей.

Язык литературы для детей и молодежи, воспроизводимый в школьных учебниках 1946–1953 гг., включает в себя такое распространенное явление, как новояз, хорошо заметное в вышеприведенных отрывках доклада Ленина в Цюрихе. Понятие новояза как лингвистического феномена, идущего от Дж. Оруэлла, введено в польскую литературную культуру Михаилом Гловиньским, который отметил в нем, среди прочего, частое использование простых противопоставлений (их отчуждение от нашего чувства общности; их ограниченный кругозор по сравнению с нашей смелостью мысли), навязывание однозначных оценок (например, в «ленинских» рассказах из учебников говорится об уникальном значении «совместной» борьбы), синтез прагматических и ритуальных элементов (например, переплетение экономических и политических забастовок и постулирование эффективности борьбы, которая формирует настоящего мужчину: проясняет его ум и укрепляет волю), магическая функция, когда реальность создается в языке (например, «выдающийся рост революционного движения»), и произвольное толкование смыслов (например, слов «бороться и только бороться») [Głowiński 1990, p. 8–9]¹⁴.

Как показывает и последний пример нашей статьи «Ленин в Мансфельде», культ вождя длится вечно и воспроизводится

даже спустя много лет после его смерти, так как с ним связывается надежда на светлое будущее. Упомянутый рассказ Мариуша Квятковского [Pauszer-Klonowska, Lausz 1952, p. 126–130] посвящен тому, как в Мансфельд во время фашистской оккупации привезли бронзовую статую Ленина: «скульптор изобразил Ленина, говорящего с народом». Один из рабочих завода, выполняющего заказы нацистов, Бартке, хранит этот памятник до освобождения в 1945 г. Тогда, как бы чудом, статуя вождя поднимается в центре города. Когда первые советские танки вошли в Мансфельд, российские солдаты стали свидетелями следующей сцены:

На площади стоял памятник, окруженный людьми со знаменами и красными флагами. [Лейтенант] Космов поднял полевой бинокль к глазам. Он посмотрел, протер глаза и посмотрел еще раз: «Эй, ребята, взгляните! Кажется, это Ленин?»

Собравшиеся люди что-то кричали, а женщины махали платочками. <... > Космов с удивлением прочитал надпись на пьедестале «Владимир Ильич Ленин». Как случилось, что здесь, в городе, только вчера оккупированном нацистами, оказался этот памятник? Советские солдаты прыгивали со своих танков и подбегали к памятнику. Некоторые из них даже трогали его, как будто пытались убедиться, что глаза их не обманывают [Pauszer-Klonowska, Lausz 1952, p. 126–130].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тон рассказов из школьных учебников, содержащих эпизоды биографий великих революционных деятелей, таких, как Владимир Ильич Ленин, и образы революции (ради благого дела), связанные с жизнью ее вождя, были на самом деле весьма оптимистичными, особенно в тех фрагментах, которые в соответствии с конвенцией максимально простого и ясного стиля опирались на агитацию и пропаганду [Tomasiak 1999, p. 280]¹⁵.

Гертруда Скотница отмечает, что, «как свидетельствуют учебные программы и комплекты текстов, “социализм в школьной форме” колебался между инфантилизмом и политической зрелостью, даже серьезные его предположения включали в себя немало нелепого». Тем не менее, как показывают произведения, проанализированные в нашей статье, юная аудитория повсеместно являлась объектом манипуляции [Skotnicka 2008, p. 65].

Литературные тексты в школьных учебниках, особенно те, что создавали образцы для подражания, помогали властям в их борьбе за умы и души молодого поколения, став наиболее эффективным

инструментом идеологического убеждения и формирования «нового человека» в духе новой системы. Тенденциозные тексты о Ленине, основанные на идеологически заряженной литературе, опирались на стратегию стереотипизированного формирования четкого идеала совершенного человека. Авторы этих рассказов использовали конвенцию черно-белых противопоставлений, понятную тематику, мимезис, банальные мотивы и приемы, но наиболее важным средством манипулирования следует назвать помпезный, успокоительный и убеждающий язык — чрезвычайно эффективный метод воздействия на эмоции молодого читателя, формирующий позитивное отношение ребенка к социалистической идеологии.

Перевод с английского Марии Rogовой

Примечания

¹ Название статьи подсказала книга *Nadwiślański socrealizm* (буквально: Социалистический реализм над Вислой) [Jarosiński 1999].

² Так, Марта Бродала анализирует журналы для детей, изданные в 1950-х гг. (например, *Plomyczek* и *Świerszczyk*), в которых Ленин показан «скромным и добрым человеком, который всегда заботится о детях», например, в: *Lenin wśród dzieci* [Krzemieńska 1952]. Текст Кременецкой основан на рассказе Александра Кононова «Елка в Сокольниках». По словам героев романа *Na Karolewskiej* (На королевской) Ханны Озоговской, «добросердечный Ленин был лидером первого социалистического государства, самым знаменитым человеком в мире» [Ozogowska 1953]. Образ Ленина в детской литературе также связывался с темой дружелюбного отношения великого вождя революции к Польше и полякам, к истории его пребывания в Поронине: «Сегодня мы гордимся тем, что наша страна тоже имела честь принимать у себя этого великого человека и предоставила ему возможность заниматься таким важным делом, как подготовка партии к началу пролетарской революции» [Barszczewska 1950, цит. по Brodala, Lisiecka, Rudzikowski 2001, p. 171].

³ См. также: [Lewin 1962; Lewin 1952]. Каждый класс основывался на своих собственных моральных стандартах: «Мораль есть результат характеристики собственного класса в данный исторический период» [Maślińska 1953, p. 70]. Понятие (или — шире — феномен) социалистической морали связано со специфически понимаемыми патриотизмом, интернационализмом и социалистическим гуманизмом (в этом случае речь идет о любви только к представителям рабочего класса).

⁴ «Демонстрация возрастных различий развития и применение образовательных методов, зависящих от возраста обучаемого, считалась буржуазным анахронизмом» [Radziwiłł 1996, цит. по: Brodala 2001, p. 22].

⁵ Небольшие выдержки из текста нашей книги *Ad usum Delphini. O szkolnej edukacji literackiej — dawniej i dziś* [Michułka 2013] (см. главу «Kowale lepszego jutra» и статью [Michułka 2015]); см. также: [Dynak 1992], [Morawska 2004].

⁶ См. главу «Socrealizm dla dzieci» (Соцреализм для детей) [Jarosiński 1999, p. 277–299], также: [Dobek-Ostrowska, Frasz, Osiecka 1997].

⁷ Болеслав Берут (настоящее имя Болеслав Бернацкий, 1892–1956) занимал значительные политические должности, был видным деятелем коммунистического движения: в частности, до 1952 г. он премьер-министр Польской народной

республики, до 1947 — Президент ПНР, лидер Польской объединенной рабочей партии (до 1948 г. Генеральный секретарь, до 1954 — Первый секретарь Центрального комитета). Также являлся агентом НКВД. Следуя примеру И. Сталина, любил появляться на публике с детьми.

⁸ См. также “Fabricating Heritage” (Изготовление наследия) Дэвида Лоуэнтала [Lowenthal 1998], где использованы такие термины в обсуждении темы искажения памяти/манипуляции памятью, как «обновление», «смешивание», «выборочное забвение», «изобретенные генеалогии», «провозглашенные прецеденты». Алейда Ассман, со своей стороны, рассматривает в этом же контексте пять стратегий забывания («негативного» искажения памяти): компенсацию, воплощение, исключение, молчание и искажение [Ассман 2009].

⁹ В центре интересов Липпмана находятся стереотипы и их роль в процессе восприятия: «Он проанализировал феномены пропаганды через призму стереотипов, т. е. наложения упрощенных изображений мира на аудиторию. Он поднял стереотипы до статуса самого важного механизма восприятия» [Parsons 1972, p. 90; ср.: Ellul 1965].

¹⁰ Учебник *Dzieńdzisiejszy* (1952) включает несколько текстов, изображающих детство будущих героев: “Dzieciństwo i lata chłopięce J. Lelewela” (Детство Й. Лелевеля) А. Sliwiński, “Szkolne lata Lenina” (Школьные годы Ленина) Анны Ульяновой, “Dziecięce lata Stalina” (Детские годы Сталина) Н. Bobińska.

¹¹ Сверено с первоисточником [Кононов 1939, с. 30–31] (прим. ред.).

¹² Сверено с первоисточником [Кононов 1939, с. 42, 44] (прим. ред.).

¹³ Сверено с первоисточником [Кононов 1942, с. 35–36] (прим. ред.).

¹⁴ З. Ярославски утверждает, что новояз характеризуется использованием простого контраста: отчуждение противопоставит нашему чувству принадлежности к коллективу; литературный продукт противопоставлен реальному произведению искусства; ограниченные горизонты противопоставлены нашей смелости мысли; презренная действительность — в новоязе: действительность, достойная эпопеи. Социалистические программные заявления полны паралогизмов, устарелых клише и абстрактных деклараций. По сути, они характеризуются утомительной монотонностью, постоянно повторяют не только одни и те же мысли, лозунги и аргументы, но и метафоры. Уже были попытки описать социалистический реализм как монологическую поэтику, если понимать значение этого слова по М. Бахтину, но все же справедливости ради надо согласиться, что «в прошлом писатель писал только для небольшого количества читателей, теперь же он пишет для всей страны — этот доподлинный факт — естественное следствие социалистической культурной революции» [Jarosiński 1999, p. 172].

¹⁵ Есть еще несколько заслуживающих упоминания агиографических и биографических произведений, описывающих подобных героев: это Кароль Сверчевский (*O człowieku, który się kulom nie kłaniał* И. Броневской, 1948), Феликс Дзержинский (*Plomień gorejący* Х. Рудницкой), Иосиф Сталин (*Soso* Бобиньской, 1953). Рышард Ваксмут обращает внимание на феномен монументализма в лирической поэзии и биографических поэмах: см., например, *Krzemieńskie O wielkim Stalinie* (1949), J. Minkiewicz, *Lenin w Poroninie* (1951) [Waksmund 2000].

Источники

Aleksandrzak S., Koszutska H. Czytanki dla kl. III. Warsaw, 1952.

Aleksandrzak S., Kwiecińska Z., Przyrowski Z. Na szerokiej drodze. Czytanki dla kl. IV. Warsaw, 1951.

- Dembowska J., Klingerowa Z., Sawrymowicz E., Żmigrodzka M.* Wypisy polskie. Klasa VIII. Warsaw, 1951.
- Dembowska J., Rudnicka H.* Dom i świat. Czytanki dla kl. VI (2nd ed.). Warsaw, 1950.
- Dembowska J., Rudnicka H., Wojeński T.* Na drodze przemian. Wypisy dla klasy VII. Warsaw, 1950.
- Derwiszówna Z., Parnowski Z.* Czytanka dla kl. II. Warsaw, 1952.
- Dzierżyński F.* Listy do siostry Aldony. Warsaw, 1951.
- Krzemieńska L.* Lenin wśród dzieci. Kraków, 1952.
- Lenin V. I.* Collected Works. 4th English Edition. Vol. 23. Transl. by M. S. Levin, Joe Fineberg, et al. Moscow: Progress Publishers, 1964. URL: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1917/jan/09.htm>
- Lenin V. I.* Collected Works. 4th English Edition. Vol. 27. Transl. by Clemens Dutt, edited by Robert Daglish. Moscow: Progress Publishers, 1972. URL: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1918/may/22b.htm>
- Ożogowska H.* Na Karolewskiej. Warsaw, 1953.
- Pauszer-Klonowska G., Lausz K.* Dzień dzisiejszy. Wypisy dla klasy V. Warsaw, 1952.
- Pytlakowski J.* Listy z MDM. Warsaw, 1952.
- Rudnicka H.* Płomień gorejący. 15. Warsaw, 1951.
- Кононов А. Т.* Рассказы о Ленине. Москва: ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ. 1939.
- Кононов А. Т.* Рассказы о Ленине. М.-Л.: Государственное издательство детской литературы. 1942.

Исследования

- Assmann A.* “Pięć strategii wypierania świadomości.” // Saryusz-Wolska M. Pamięć zbiorowa i kulturowa. Współczesna perspektywa niemiecka. Kraków, 2009.
- Barszczewska L.* “Lenin w Polsce” (talk material), Świetlice Dziecięce. 1950. № 1.
- Brodala M., Lisiecka A., Rudzikowski T.* Przebudować człowieka. Komunistyczne wysiłki zmiany mentalności. Warsaw, 2001.
- Dobek-Ostrowska B., Frasz J., Ociepka B.* Teoria i praktyka propagandy. Wrocław, 1997.
- Dynak W.* “Literatura współczesna w nauczaniu szkolnym po 1945 roku.” // Studia z dziejów edukacji literackiej w Polsce w XIX i XX wieku, ed. M. Inglot. Wrocław, 1992.
- Ellul J.* Propaganda. The Formations of Men's Attitudes. New York, 1965.
- Głowiński M.* “Nowomowa (Rekonosans).” // Nowomowa po polsku. Warsaw, 1990.
- Jarosiński Z.* Nadwiślański socrealizm. Warsaw, 1999.
- Jasińska M.* Zagadnienia biografii literackiej. Geneza i podstawowe gatunki dwudziestowiecznej beletrystyki biograficznej. Warsaw, 1970.
- Lewin A.* Makarenko w Polsce. Warsaw, 1962.
- Lewin A.* “Ogólne założenia systemu wychowawczego (Uwagi na marginesie analizy poglądów Korczaka i Makarenko).” // Wychowanie w Zespole. №2. February 1952.
- Lewin A.* Problemy wychowania kolektywnego. Refleksje pedagogiczne na tle doświadczeń polskiego domu dziecka i szkoły na Uralu. Warsaw, 1955.
- Lippmann W.* Public Opinion. New York, 1960.
- Lowenthal D.* “Fabricating Heritage.” // History and Memory. Vol. 10. № 1 (Spring 1998). P. 5–24. URL: <http://www.jstor.org/stable/25681018>.
- Łapiński Z., Tomasiak W.* Słownik realizmu socjalistycznego. Kraków, 2004.
- Malczewska-Pawelec D., Pawelec T.* Rewolucja w pamięci historycznej. Porównawcze studia nad praktykami manipulacji zbiorową pamięcią Polaków w czasach stalinowskich. Kraków, 2011.
- Maślińska H.* O moralności komunistycznej. Warsaw, 1953.

- Michulka D.* Ad usum Delphini. O szkolnej edukacji literackiej — dawniej i dziś. Wrocław, 2013.
- Michulka D.* “Czytankowy Lenin.” // (Przed) szkolne spotkania z literaturą, edited by B. Niesporek-Szamburska and M. Wójcik-Dudek. Katowice, 2015. P. 461–477.
- Morawska I.* Rola literatury w edukacji patriotycznej uczniów szkoły podstawowej (1944–1989). Lublin, 2004.
- Parsons T.* Szkice z teorii socjologicznej. Warsaw, 1972.
- Radziwiłł A.* “Model ideologii wychowawczej w latach 1948–1956. Próba rekonstrukcji i analizy.” // Polacy wobec przemocy 1944–1956, ed. by B. Otwinowska and J. Żaryn. Warsaw, 1996.
- Skotnicka G.* Barwy przeszłości. O powieściach historycznych dla dzieci i młodzieży w latach 1939–1989. Gdańsk, 2008.
- Szacka B.* “Historia i pamięć zbiorowa.” // Kultura i Społeczeństwo. Vol. 47. 2003. № 4.
- Tomasiak W.* Inżynieria dusz. Literatura realizmu socjalistycznego w planie „propagandy monumentalnej”. Wrocław, 1999.
- Waksmund R.* Od literatury dla dzieci do literatury dziecięcej. Wrocław, 2000.